

Наказание

«Нельзя рисовать огнедышащих вампиров-единорогов в тетради по физике».

Крепкий орешек Джонс только что написала это предложение в четыреста девяносто шестой раз. Это отняло у неё почти два часа и оставило на среднем пальце левой руки огромную мозоль. Не считая учителя, мистера Докинса, во всей школе, кроме неё, не было никого.

— Сэр, я закончила, — подняла она руку.

Докинс оторвал взгляд от кроссворда; его чёрную бороду усыпали крошки от картофельных палочек с солью и уксусом.

— Сейчас проверим, *Пернилла*, — презрительно усмехнулся он. Он подошёл к девочке и принялся быстро

пролистывать большую стопку бумаги, лежавшую перед ней на парте.

Орешек так разозлилась, что почувствовала, как её лицо заливает краской. Она терпеть не могла, когда её называли по имени. В свидетельстве о рождении, может, и было написано «Пернилла Энн Джонс», но с того времени, как она появилась на свет, её называли Орешек. И даже раньше, ещё до того, как она появилась на свет. Папа часто рассказывал: «Когда мама была беременна пару месяцев, мы узнали из интернета, что ты была размером с орешек. Так мы и стали тебя называть: Орешек». Так её все называли и в «Мелодии», её старой школе, однако было бы чересчур ожидать того же от Докинса — Духа Смерти.

Докинс торжествующе помахал перед ней листами бумаги:

— Ты заполнила тридцать одну сторону формата А4. Учитывая, что на каждой странице умещается максимум шестнадцать строк, простая арифметика мне подсказывает, что из пятисот строк, которые были тебе заданы, ты выполнила только четыреста девяносто шесть. Это 99,2 процента задания. А как тебе известно, любой ученик, которому повезло учиться в Школе Святого Хьюберта для бесповоротно одарённых научно-математически, обязан выполнять каждый аспект любой задачи, за которую он берётся. На. Сто. Процентов. А в данном случае очевидно, что ты не достигла результата на 0,8 процента.

И где-то под его усыпанной крошками бородой расплылась самодовольная улыбка.

— В качестве наказания за попытку увильнуть от полнейшего выполнения работы ты не только выполнишь задание целиком, но и напишешь дополнительно ещё сто строк. Этого времени должно хватить, чтобы я закончил кроссворд, съел яйцо по-шотландски и успел домой к телевикторине «Университет бросает вызов».

— Но, сэр...

— Никаких «но», Джонс. Выполняй. Я не знаю, до какой степени терпели безвольную расхлябанность в твоей прежней школе, но тебе следует осознать: точность превыше всего. Легкомысленному творчеству в «Святом Хьюберте» места нет. Нет места совершенно.

— Твоего маленького друга куда-нибудь подвезти?

— А... а... — бессвязно залопотал Роквелл, — сп-сп-спасибо, но нет, спасибо, мадам. Э-э... мэм. Э-э... в-ваше высочество. Я на скейтборде. Увидимся утром, Орешек.

И с этими словами он оттолкнулся ногой и исчез в конце улицы.

— Ах, какой милый мальчик! — сказала Нерис, когда Орешек забралась внутрь. — Я рада, что ты наконец заводишь друзей в «Святом Хьюберте».

— Мы с Роквеллом не друзья. Это он со мной такой милый, потому что ему так сказали в школе и он не хочет получить нагоняй. И вообще, не хочу я заводить никаких друзей в «Святом Хьюберте», — глаза у Орешка наполнились слезами. — «Друзья» означает, что мне с ними весело и я не против остаться. А я ни за что не останусь!

Она выглянула в окно.

— И вообще это ни к чему. Папа скоро вернется. Они с мамой всё выяснят, и тогда я смогу вернуться в «Мелодию» к старым друзьям.

Нерис нахмурилась.

— Девочка моя дорогая, не забывай, что мама отправила тебя в «Святого Хьюберта», потому что хочет для тебя самого лучшего. Она любит тебя, ты же знаешь. Не маши пока рукой на эту школу, моя хорошая. Всё ещё может измениться.

Она повернулась к человеку на переднем сиденье:

— Поехали, Хэммонд...

4

Закладки на клейких листочках из коробки с обедом

Орешку было непросто выразить словами, как сильно она скучала по папе. Он исчез год назад, и не проходило ни минуты, когда бы она не желала изо всех сил, чтобы он вошёл в комнату, схватил её на руки и сжал в своих медвежьих объятиях. Каждый раз, услышав звонок телефона или увидев, как открывается дверь, она затаённо надеялась, что это он. И всякий раз, обманувшись, чувствовала боль от его отсутствия заново. Папа у Орешка был художником, как и она. Живописцем, если сказать

точнее. Причём хорошим — по крайней мере, Орешек считала так. Она унаследовала от него страсть рисовать и творить искусство. Папу Орешек боготворила.

Она любила часами просиживать в маленькой, залитой светом оранжерее позади дома, в которой папа устроил студию. Там царил беспорядок, но всегда находилось столько всякого интересного: и полупустые тюбики с краской, и старые кружки, полные кисточек, и цветочные диаграммы, приклеенные к стенам на скотч, и деревянные куклы, которые можно было усадить в какую захочешь позу, и мольберты всех мыслимых размеров. Но лучше всего были картины, тут и там расставленные по студии.

Некоторые закончены полностью, некоторые наполовину, а некоторые, уже, казалось, законченные, были перечёркнуты в последний момент. Орешек любила их все, но больше всего она обожала пустые холсты. Картины, которым ещё только суждено появиться. Таилось в них что-то волшебное.

— За мою жену, бухгалтера высокого полёта! — прокричал, сияя от гордости, папа, и они с мамой звякнули бокалами. — Я всегда знал, что ты этого добьёшься!

Какой счастливый был тогда день! А теперь он казался далёким-далёким прошлым.

Орешек с Нерис вышли из лифта и по длинному стеклянному коридору направились к маминому кабинету. Орешек насчитала по шестнадцать дверей с каждой стороны. Каждая дверь открывалась в неотличимый от других кабинет-куб, в котором стоял неотличимый от других письменный стол с неотличимым от других креслом и неотличимым от других компьютерным экраном. Везде было пусто. И как только работники фирмы помнят, где их кабинет, подивилась Орешек.

В конце коридора была большая деревянная дверь с золотой табличкой:

Нерис постучала и вошла, не дожидаясь ответа. Орешек вошла за ней.

В отличие от стеклянного лабиринта снаружи, мамин кабинет выглядел очень старомодно. К примеру, все стены, весь пол и потолок были покрыты совершенно оди-

— Так, что такое? — вздохнул Роквелл. — Передумала заниматься вместе? Мне пойти на пять метров впереди, как обычно?

— Нет, дело не в этом. Просто... Ладно, забудь.

— Ну, Орешек, рассказывай! В конце концов, для того и нужны друзья.

— Мы с тобой не друзья! — выпалила она, нечаянно усыпав Роквелла кусочками жёванного яблока.

— О'кей, — ответил он, вытирая лицо. — Значит, для того и нужны школьные товарищи.

Он улыбнулся, приоткрыв идеально ровный ряд белых зубов:

— Ну, пожалуйста...

— Хорошо. Только предупреждаю: история малость странная.

У Роквелла пересохло в горле, но он набрался решимости и сказал:

— Ладно. Валяй.

И она рассказала ему всё, что произошло накануне вечером. О ссоре, о деревянной шкатулке, о закладках, о карандаше и о рисунке, который загадочно ожил. Она так давно

не делилась ни с кем никакими рассказами о себе, что даже сама удивилась тому, как стало хорошо. И потом, когда что-то говоришь вслух, оно становится будто бы настоящим, будто оно вправду произошло.

Закончив описывать «воду», которая забрызгала открытку с Фантастической Четвёркой, Орешек замолчала и посмотрела на Роквелла.

— Что, думаешь, я рехнулась?

— Нееееет! — запротестовал Роквелл. — С чего мне так думать? Если ты считаешь, что всё это видела, значит, я делаю вывод, ты считаешь, что ты это видела. И-и... просто интересно... а ты хорошо себя чувствуешь в эти дни? Может, погода или съела что-нибудь... не совсем обычное?

— Я не *считаю*, что я это видела! Я *в самом деле* всё это видела! — крикнула от злости Орешек. — Понял? Так и знала! Бесполезно тебе рассказывать!

— Ладно, ладно, прости. А ты не взяла с собой этот волшебный карандаш?

— А, да ты хочешь поиграть! — сказала Орешек. Она огляделась по сторонам в поисках какой-нибудь палки, но угольные деревья, видимо, не роняли веток. И тогда её осенило. Она вытащила из-за уха карандаш.

— А вот интересно, — проговорила она. — Так, Орешек, сосредоточься...

Она вообразила, что прямо перед ней на невидимом мольберте лежит большой лист бумаги. Она взяла карандаш в левую руку, подняла её до высоты плеча и стала рисовать прямо в воздухе. К её изумлению, из-под графитового кончика появилась тёмно-серая линия.

Ахнув, она обронила карандаш, а вот линия осталась точно там, где и была, только... слегка подрагивала. Орешек набрала в грудь побольше воздуха, подняла карандаш и попробовала рисовать ещё. На этот раз она нарисовала мячик.

Закончив, она протянула руки к картинке и от прикосновения почувствовала в кончиках пальцев радостную дрожь. На ощупь мячик оказался... ну да, как мячик. Твёрдый и тяжёлый.

— ГАВ! ГАВ!

Штришок по-прежнему вертелся у ног и увлечённо поглядывал на предмет в руке у Орешка.

— ГАВ!

Орешек бросила мяч изо всех сил, и пёсик, само собой, галопом бросился по снегу в погоню. Он схватил мяч, принёс и положил Орешку под ноги.

— Умница мальчик!

— Не-а. Понятия не имею.

— Ясно, — проглотил он застрявший в горле второй комок.

Орешек рисовала что-то похожее на длинную узкую ванну, поставленную на лыжи и оснащённую рулём с одного конца. Пока она торопливо закрашивала контуры широкими мазками дождевых чернил, где-то вдали слабо зазвенел тревожный сигнал левитирующей механической рыбы. Даже Роквеллу пришлось признать, что нет лучшего решения, чем скорейший побег. Нельзя, правда, сказать, что это его обрадовало.

— Готово! — Орешек рассовала творческие принадлежности по местам в патронташе. — Так, я за рулём. Штришок садится мне в ноги, ты, Эль-Би, у меня за спиной. Роквелл, ты позади. О'кей. По местам!

Все заняли указанные места. Роквеллу стало немного нехорошо.

— Кстати, Роквелл. Я что подумала. Надо бы подтолкнуть.

— Мне подтолкнуть?

— Тебе. Я за рулём. Давай, вылезай уже и толкай. Быстрее, эта штука не шутки шутила, и те, кого она там зовёт, скоро будут здесь!

Роквелл выкарабкался из боба и зашёл сзади. Прямо перед бобом начинался очень крутой

